

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. ХАКСЛИ

Анализируются психосоматическое «тело-канон» и репрезентация человека как «тела-объекта» (термины В. А. Подороги) в рамках естественно-научного дискурса в произведениях О. Хаксли. Особое внимание уделено связи между телом-каноном и утопическими идеями Хаксли об управлении человеческой природой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тело-объект; тело-канон; объективирующий дискурс; анималистический образ; утопия; антиутопия.

Образ мира Олдоса Хаксли (1894—1963) во многом определяется его пониманием человеческой природы, которое эволюционировало на протяжении творческой жизни писателя, но всегда было связано с феноменом тела (греч. σῶμα). О внимании О. Хаксли к этому явлению свидетельствует постоянство тематики тела в его текстах. Тело осмысляется как родовой признак человека вообще, его онтологическая основа, определяющая конфликтный характер человеческой природы. Последняя раскрывается писателем в рамках оппозиции «тело — разум» в произведениях 1920-х — начала 1930-х гг. и в триединстве «тело — разум — дух» в поздних романах (вторая половина 1930-х — начало 1960-х).

В контексте данной статьи тело, в отличие от его традиционного физического понимания, рассматривается как особый *в и т а л ь н ы й ф е н о м е н*, воплощающий «культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие человеческого существа» [Леви, 7].

В произведении О. Хаксли образ тела формируется в рамках специфического подхода к литературному материалу самого автора, для которого изображаемая в тексте реальность есть сфера и средство исследования человека. Сошлемся на высказывание писателя из его интервью журналу «Обсервер» 1931 г.: «My chief motive in writing has been the desire to express a point of view. Or, rather, the desire to clarify a point of view to myself» [цит. по: Clark, 215–216]¹. Для оценки подхода автора к создаваемым им текстам стоит учитывать, что в юности О. Хаксли мечтал о будущем учёного-естественника, и хотя этот путь оказался для него закрыт по причине болезни, он не утратил интереса к науке, прекрасно разбирался в этой отрасли знания и живо интересовался ее развитием. Влияние естественно-научных интересов писателя на художественную реальность его произведений уже было отмечено в ряде работ о его творчестве. Так, в 1935 г. А. Хендерсон отмечает близость Хаксли-писателя Хаксли-натуралисту, который, по его словам, «was... as fascinated by human beings as a zoologist at the first okapi or duckbilled platypus» [Henderson, 130]². С. Маровитц также обращает внимание на своеобразное преломление в произведениях О. Хаксли его естественно-научных интересов. Он говорит об осуществляемом писателем «mystical and psychophysical analysis of a man» [Marovitz, 34]³ и в этой связи сравнивает его с автобиографическим героем романа «Контрапункт»: «...If the notebook of Philip Quarles... reveals something of Huxley's own attitude towards living harmoniously, it also elucidates the underlying significance of his zoological interests as a writer of fiction. After speculating on a leading figure for a projected novel, Quarles decides that his character must be "a professional zoologist who is writing a novel in his spare time"» [Ibid., 35]⁴. Примечательна мысль Г. Анджапаридзе и Т. Мартиной, которые, продолжая идею Маровитца, определяют позицию автора как позицию исследователя-наблюдателя: «В произведениях Хаксли взору предстает некий интеллектуальный зоопарк, причем образ зоопарка Хаксли охотно вводит сам, претендуя на роль бесстрастного наблюдателя-натуралиста» [Анджапаридзе, Мартина, 12].

В произведениях (в первую очередь в «романах идей») О. Хаксли познавательность человека обеспечена включенностью образа тела в особую исследовательскую ситуацию и испытывает на себе влияние естественно-научного

¹ «Главным мотивом моего творчества было желание выразить точку зрения. Или, скорее, желание прояснить точку зрения для самого себя» (здесь и далее, если нет отсылок, перевод автора статьи).

² «...Был очарован человеческим существованием, как зоолог при виде своего первого окапи или утконоса».

³ «...мистическом и психофизическом анализе человека».

⁴ «...Если записная книжка Филипа Куорлза... обнаруживает нечто от собственного отношения Хаксли к гармонизации жизни, то она также объясняет подчеркнутую важность его зоологических интересов как писателя. После размышлений о ведущем персонаже задуманного романа Куорлз решает, что его герой должен быть "профессиональным зоологом, который в свободное время пишет роман"».

дискурса. Специфика этой ситуации требует прибегнуть для ее описания к таким понятиям, как «объективация тела» и «тело-канон», выдвинутым философом В. А. Подорогой, который использует их для разграничения тела и тела-объекта, не являющегося «живым телом». «Живое тело, — продолжает философ, — существует до того момента, пока в действие не вступает объективирующий дискурс, т. е. набор необходимых высказываний, устанавливающий правила ограниченного существования тела. Это может быть биологический, физиологический, лингвистический, анатомический дискурс...» [Подорога, 22]. Объективирующие дискурсы связываются В. А. Подорогой с познавательной установкой субъекта, осуществляющего «исследовательский проект». С точки зрения философа, в ходе этого проекта рождается «тело-канон», которое «фиксирует телесную норму и выступает средством манипуляции прочими телами» [Там же, 24].

В произведениях О. Хаксли проблема человеческой природы решается через соотнесение некоего «непознанного» витального телесного образа с телом-канонном как образцом идентификации. Известно, что в его эссе 1920-х — начала 1930-х гг. человек трактуется как некое множество, непостижимое в своей беспредельности. В трактате «Делай что хочешь» (“Do What You Will”, 1929) О. Хаксли пишет: «True, that “personality as a whole”... is, strictly speaking, a mythological figure. Consisting... of a vast colony of souls — souls of individual cells, of organs, of groups of organs, hunger-souls, sex-souls, power-souls, herd-souls, of whose multifarious activities our consciousness... is only very imperfectly and indirectly aware — we are not in a position to know the real nature of our personality as a whole» [Huxley, 1947a, 479]⁵. «Колония душ» (*colony of souls*) — не сознание и даже не тело. Во-первых, в таком определении «не работают» традиционные тождества и оппозиции (например, «тело — душа», «душа — сознание»). Во-вторых, устранено представление о привычной телесной организации: в единой серии выступают физиологические и психические феномены. Это род некой биоэнергии, определяющей витальность и автономность живого тела.

В этом контексте тело-канон в произведениях О. Хаксли нацелено на фиксацию телесной нормы, открывая человека познанию и осмыслению через объективацию тела, осуществляемую в рамках естественно-научного дискурса. Ведущая тематика при этом — тематика зоологии. На это указывают средства характеристики персонажей, устойчивые мотивы и т. д. В этой связи свою авторскую задачу О. Хаксли непосредственно обозначает в романе «Контрапункт» («Point Counter Point», 1927), автобиографический герой которого, зоолог-романист Куорлз, говорит: «One of these days... I shall really have to write a modern Bestiary» [Huxley, 1947b, 404]⁶. Вот как описывается творческий процесс: «Philip put down the book and feeling in his breast pocket pulled out his pocket diary and his fountain-pen. ‘Female Angler-fishes,’ he wrote, ‘carry dwarf parasitic males attached

⁵ «В действительности эта “личность как целое” является, строго говоря, мифологической фигурой. И состоит... из целой колонии душ — душ клеток, органов, групп органов, душ голода, сексуальных душ, душ власти, стадных душ, о многообразной деятельности которых наше сознание... имеет весьма несовершенное и неопределенное представление: мы не в состоянии познать реальную природу нашей личности как целого».

⁶ «Когда-нибудь... я напишу современный “Бестиарий” [Хаксли, 1990, 305].

to their bodies. Draw the obvious comparison, when my Walter rushes after his Lucy. What about a scene at an aquarium? They go in with a scientific friend who shows them the female Anglers and their husband'» [Huxley, 1947b, 403]⁷. Этот феномен «романа в романе» демонстрирует фактически набор художественных приемов самого писателя. Анималистическая метафорика — ключевое средство создания портретов героев в его произведениях. Отсюда бесчисленные свиноподобные лица, кошачьи улыбки, птичьи носы, кожа-чешуя, люди как хамелеоны, ящерицы, овцы и т. д. — «интеллектуальный зоопарк», по определению С. Маровитца.

Животное у О. Хаксли выступает не только в роли метафоры человека, но и как телесный образ, с которым последний идентифицируется. Физиология является основой соответствия между человеком и животным. Ср.: «Something that had been a single cell, a cluster of cells, a little sac of tissue, a kind of worm, a potential fish with gills, stirred in her womb and would one day become a man...» [Ibid., 2]⁸. Это касается не только анатомических, химических структур тела; законы физиологии и зоологии спроецированы в произведениях Хаксли на социальное поведение и связи людей, а вместе с тем — на сферу психологии, морали, искусства, религии и т. д. Ср.: «“There’s nothing human quite analogous to heat in mares or she-dogs. Except”, he added, ‘except perhaps in the moral sphere. A bad reputation in a woman allures like the signs of heat in a bitch. Ill-fame announces accessibility. Absence of heat is animal’s equivalent of the chaste woman’s habits and principles» [Ibid., 110]⁹. «But if animals can get more than they actually require to subsist, they take it, don’t they? If there’s been a battle or a plague, the hyenas and vultures take advantage of the abundance to overeat. Isn’t it the same with us?» [Ibid., 180]¹⁰. «In the lower forms we do the teaching in terms of analogies with familiar animals. Cats like to be by themselves. Sheep like being together. Martens are fierce and can’t be tamed. Guinea-pigs are gentle and friendly. Are you a cat person or guinea-pig person or a marten person?» [Huxley, 1979, 241]¹¹. Таким образом, человек у О. Хаксли определяется редукцией антропологической

⁷ «Филип отложил книгу и достал из внутреннего кармана записную книжку и вечное перо. Он написал: “Самки семейства рыб *Ceratividae* носят карликовых паразитических самцов прикрепленными к своим телам”. Сравнение напрашивается само собой, когда мой Уолтер устремляется к своей Люси. Не описать ли сцену в аквариуме? Они приходят с знакомым натуралистом, который показывает им самок *Ceratividae* и их супругов» [Хаксли, 1990, 304].

⁸ «То, что было клеткой, группой клеток, кусочком тканей, чем-то вроде червя, потенциальной рыбой с жабрами, шевелилось внутри нее и готовилось стать человеком...» [Там же, 8].

⁹ «У людей не бывает ничего похожего на течку у сук или кобыл. Если не считать некоторых явлений в моральной сфере. Дурная репутация женщины привлекает мужчин. Дурная слава свидетельствует о доступности. В животном мире отсутствие течки соответствует тому, что в женщине мы называем целомудрием» [Там же, 84].

¹⁰ «Когда животные могут получить больше, чем им требуется для поддержания жизни, они это берут, не правда ли? После битвы или чумы гиены и коршуны пользуются случаем и объедаются. Не так ли поступаем и мы?» [Там же, 135].

¹¹ «Поначалу мы прибегаем к сравнению с животными, которые детям знакомы. Котам нравится быть в одиночку. Овцы предпочитают быть вместе. Куницы жестоки, и их невозможно приручить. Морские свинки нежны и дружелюбны. А ты похож на кошку или на овцу, на морскую свинку или на куницу?» [Хаксли, 1994, 240].

реальности к реальности, заданной объективирующим естественнонаучным (анатомическим, физиологическим, зоологическим и т. д.) дискурсом, и превращается в зависимое от дискурса тело-объект. В этом контексте актуализируется психосоматическое тело-канон, знаком которого у О. Хаксли является образ человека-животного.

При этом исследовательская установка произведений О. Хаксли не исчерпывается ответом на вопрос, «Что есть человек?». Не менее важной задачей является ответ на вопрос, что с человеком делать? Проблема человеческого удела связана у данного писателя с возможностью управления познанным телом-объектом, производным от канона психосоматики. По словам В. А. Подороги, «тело, которое познают, познают ради определенных целей, целей власти и господства, ибо знают не для того, чтобы знать, а для того, чтобы это знание встраивалось в исторически-культурный опыт тела в качестве *идеальной и необходимой телесной нормы* (курсив автора. — С. Ф.)» [Подорога, 24]. Нормативные функции тела-канона философ объясняет его сущностью: «оно... представляет собой совокупность норм поведения, следуя которым, мы различаем правильные и неправильные использования человеческого тела» [Там же]. Психосоматический канон в произведениях О. Хаксли, ограничивая активность «витального» тела («колония душ» периода 1920-х гг.), определяет систему норм и правил функционирования тела-объекта. Эта система находит отражение в утопической и антиутопической линии творчества писателя, формируя целый пласт мотивов контроля и управления человеческой природой. В рамках этих практик человек существует как «жесткая» психофизическая конституция, знание которой обеспечивает эффективную регуляцию основ жизнедеятельности и коррекцию отклонений. На этом основаны утопические и антиутопические модели мира не только в романах «О дивный новый мир» (“*Brave New World*”, 1932), «Обезьяна и сущность» (“*Ape and Essence*”, 1946), «Остров» (“*Island*”, 1962), но и в произведениях, не относящихся к данному жанру, включая *non-fiction*. Так, в антиутопии «О дивный новый мир» доктор Форстер объясняет студентам способ выведения каст: «We also predestine and condition. We decant our babies as socialized human beings, as Alphas or Epsilons. <...> Reducing the number of revolutions per minute... The surrogate goes round slower; therefore passes through the lung at longer intervals; therefore gives the embryo less oxygen... <...> Nothing like oxygen-shortage for keeping an embryo below par» [Huxley, 1969, 8–9]¹². А вот доктор Роберт, персонаж утопии «Остров», рассказывает Уиллу о своевременном «обезвреживании» потенциально опасных граждан Пала уже в детстве: «It isn't hard. Particularly if you start early enough. Between four and a half and five all our children get a thorough examination. Blood tests, psychological tests, somatotyping; then we X-ray their wrists and give them

¹² «Мы предопределяем и приспособляем, формируем. Младенцы наши раскупориваются уже подготовленными к жизни в обществе как альфы или эпсилоны. <...> Убавлено число оборотов... Кровезаменитель циркулирует теперь медленнее; следовательно, реже проходит через легкое; следовательно, дает зародышу меньше кислорода. А ничто так не снижает умственно-телесный уровень, как нехватка кислорода... <...> Чем ниже каста... тем меньше поступление кислорода» [Хаксли, 2002, 536].

an EEG. <...> A crop of potential failures and criminals, potential tyrants and sadists, potential misanthropes and revolutionaries... has been transformed into a crop of useful citizens who can be governed adandena asatthena – without punishment and without a sword» [Huxley, 1979, 178]¹³. В теории рационалистического государства Скоугана, персонажа романа «Желтый Кром» («Crome Yellow», 1921), и в обществе «счастливых» людей «дивного нового мира» еще до рождения человек получает предписанный нормой психофизический тип. Регуляция инстинктивной и рефлексивной деятельности объявляется одним из наиболее важных способов формирования индивида. Так, в романе «Шутовской хоро-вод» («Antic Hay», 1923) коммерсант Болдеро объясняет манипулирование поведением человека в современном обществе потреблением манипулированием бессознательными реакциями толпы. В романе «О дивный новый мир» контроль над инстинктами и выработка необходимых рефлексов являются залогом формирования «правильной» человеческой особи. В эссе «Завтра, завтра, завтра» («Tomorrow and Tomorrow and Tomorrow», 1956), посвященном анализу современных прогнозов будущего цивилизации, О. Хаксли говорит о разумном контроле «животных» инстинктов человека как важном факторе выживания, ибо, «even in his most highly civilized state, Man is a wild species...» [Huxley, 1959, 293]¹⁴. При этом регламентация сексуального инстинкта и поведения в текстах О. Хаксли осмысливается как один из ключевых путей воздействия на человеческую природу. Уже в первом романе «Желтый Кром» рассматривается идея влечения как способ гармонизации существования и как причина несчастий. О роли сексуальности в управлении разными сферами жизни задумывается автобиографический герой «Контрапункта» Куорлз, видя здесь источник регуляции морали, стяжательства, творчества и др. В антиутопии «О дивный новый мир» инициируемая «сверху» сексуальная «свобода» в действительности строго регламентирована и является не чем иным, как средством тотального контроля масс. Напротив, в утопии «Остров» свобода отношений является следствием индивидуального выбора, но в культуре Пала сексуальность не самоцель, а средство «просветления». Таким образом, даже этот неполный обзор мотивов регуляции человека в произведениях О. Хаксли позволяет оценить широту использования «психосоматического» тела-канона в решении писателем проблемы познания и гармонизации человеческого удела.

Выявленные аспекты проблемы человека в творчестве О. Хаксли требуют, на наш взгляд, более детального рассмотрения, однако уже сейчас можно сделать предварительные выводы о той роли, какую они играют в произведениях писателя. Познавательная установка произведений О. Хаксли реализуется

¹³ «Это не очень трудно, только начинать нужно достаточно рано. Между четырьмя с половиной и пятью все дети у нас проходят тщательный медицинский осмотр. Анализ крови, психологические тесты, определение типа конституции; проводится также рентгеноскопия лучезащитного сустава и делается ЭЭГ, электроэнцефалография. <...> Масса потенциальных неудачников и преступников, потенциальных тиранов и садистов, потенциальных мизантропов и революционеров... превращаются в нормальных граждан, которыми можно управлять adandena asatthena – без наказания и без меча» [Хаксли, 1994, 177].

¹⁴ «...Даже являясь высоко цивилизованным, человек остается диким видом».

в объективации тела человека в рамках естественно-научного дискурса, из соотнесения его с психосоматическим телом-канонем. В силу объективирующего характера дискурса человек у Хаксли «превращается» в производное от канона «психофизическое тело-объект», представленное образом животного. Такое тело полностью открыто познанию и манипуляциям, что позволяет писателю включать его в утопические и антиутопические модели мироустройства. Это отражается в системе мотивов контроля и регуляции человеческого существования путем воздействия на это «объектное» тело.

Анджанапидзе Г., Мартина Т. Предисловие // Хаксли О. Желтый Кром; Рассказы. М., 1987. С. 3–16.

Леви Т. С. От составителя // Психология телесности / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2007. С. 5–9.

Подорога В. А. Феноменология тела : введение в философ. антропологию. М., 1995.

Хаксли О. Контрапункт // Хаксли О. Контрапункт ; Новеллы / пер. с англ. И. Романовича. Л., 1990.

Хаксли О. О дивный новый мир // Хаксли О. Контрапункт; О дивный новый мир; Обезьяна и сущность; Рассказы / пер. с англ. О. Сороки. М., 2002.

Хаксли О. Остров // Хаксли О. Остров; Врата восприятия; Небеса и ад / пер. с англ. М. Крутиковой. Киев, 1994.

Clark R. W. The Huxleys. L., 1968.

Henderson A. Aldous Huxley. L., 1935.

Huxley A. Brave New World. N. Y., 1969.

Huxley A. Do What You Will // The World of Aldous Huxley. N. Y., 1947a. P. 474–480.

Huxley A. Island. London ; Toronto ; Sydney ; N. Y., 1979.

Huxley A. Point Counter Point. — L.; Toronto, 1947b.

Huxley A. Tomorrow and Tomorrow and Tomorrow // Huxley A. Collected Essays. N. Y., 1959. P. 291–298.

Marovitz S. E. Aldous Huxley's Intellectual Zoo // Aldous Huxley : a Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs (N. J.), 1974. P. 33–45.

Статья поступила в редакцию 21.05.2010 г.